

Високосный февраль

Автор:

Мария Метлицкая

Високосный февраль

Мария Метлицкая

«...Устроил все Митя, муж. Конечно же, при поддержке мамы. А когда они вместе, это уже сила. Мощная сила, куда там Маше!

Справедливости ради, их беспокойство она понимала, но разделять не собиралась. А хандра была крепкой. Сжала железными лапами – не вырваться. Маша и не пыталась. Валялась весь день в кровати – не подходи, убьет. Нервы сдавали. Но и причина была веской, что уж тут. Ну и Митя засуетился, подключил маму, и началось – врачи, психологи, тренинги и прочее, прочее...»

Мария Метлицкая

Високосный февраль

© Метлицкая М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Устроил все Митя, муж. Конечно же, при поддержке мамы. А когда они вместе, это уже сила. Мощная сила, куда там Маше!

Справедливости ради, их беспокойство она понимала, но разделять не собиралась. А хандра была крепкой. Сжала железными лапами – не вырваться. Маша и не пыталась. Валялась весь день в кровати – не подходи, убьет. Нервы сдавали. Но и причина была веской, что уж тут. Ну и Митя засуетился, подключил маму, и началось – врачи, психологи, тренинги и прочее, прочее.

Маша от всего этого отказывалась:

– Только не трогайте, умоляю!

Потом умолять перестала и начинала скандалить:

– Оставьте меня в покое! Достали.

Но ни Митя, ни мама не соглашались – вообще они были людьми действия. А уж молча смотреть и вздыхать, когда пропадает родной человек – нет, никогда. А Маша не волновалась – так бы и валялась в кровати месяц, два. Год. Нет, хорошо ей не было. Но еще тяжелее было вставать, чистить зубы, причесываться, одеваться, завтракать и куда-то ехать, а главное – разговаривать, общаться. Была у нее заветная мечта – чтобы все отвалили. Митя, например, в командировку, желательно в длительную. А мама... С мамой было сложнее – пенсионерка мама была «при доме». Нет, можно в санаторий. Или в путешествие. Но не тут-то было – командировки у мужа действительно случались, но тогда бывала брошена «тяжелая артиллерия» – тут же, в этот же день, приезжала мама, и начиналось...

Правда, из множества «специалистов», с которыми Маше пришлось познакомиться в эти дни, понравилась одна – та, которая тихо шепнула Мите:

– Оставьте ее в покое! Ей сейчас нужен только покой, а не ваши суета и тревога. Этим вы вгоняете ее туда еще сильнее.

Упертый муж попытался поспорить, но психологиня, явно уставшая от пациентов с нестабильной психикой и их родственников, тоже далеких от нормальных – а где они сейчас, нормальные? – махнула рукой:

– Ну как хотите! Мое дело вам подсказать.

После этого визита Маша слышала, как муж подолгу разговаривал с тещей. Пытались полупшепотом, а Маше было по барабану – слышать и знать ничего не хотелось, можно и громко.

Через пару дней Митя, наклеив на бледное лицо ослепительную фальшивую улыбку, за ужином, приготовленным им же, радостно объявил:

– Мусик! Ты едешь в санаторий! В прекрасный санаторий, заметь. Я все узнал и проверил – ты знаешь, как глубоко я вникаю в тему. Так вот. Чудесное место – Волга, густой лес, замечательный номер и классная кормежка. Машка, там такая кормежка! Верись, читая меню, я пускал слюни!

Маша молча уставилась на мужа. Не услышав моментальных возражений, он воодушевился и продолжил:

– Мусь, а природа? Сумасшедшая красота, ты мне поверь! Все-таки не наше загаженное Подмосковье – Средняя Россия, почти Поволжье. Точнее, Ивановская область. Четыреста верст от Москвы. – Он вскочил с места и бросился за планшетом, чтобы показать Маше расчудесные фото санатория.

Маша раздумывала. В конце концов, идея не так уж плоха! А даже и хороша – она там будет одна. Ни Митиных приседаний, ни маминых восклицаний. Да и не близко – вряд ли им придет в голову приехать ее проведать. Значит, полное, тотальное уединение. Есть, спать, возможно – гулять. Смотреть телевизор – дурацкое американское кино, боевик. Или читать – там наверняка есть пыльная библиотека с толстенькой тетенькой, гоняющей чай с печеньем. И добрые старые книги – хорошие детективы из детства, например, Кристи или Сименона.

Митя вернулся с планшетом и принялся листать фотографии. Маша делала вид, что смотрит. А на самом деле ей было все равно. Какая разница? Что ей до размера номера, меню в столовой и красоты окрестностей? Ей был нужен только покой. Покой и тишина. И чтобы никого, никого.

А Митя заливался соловьем:

– Мусик, какой бассейн, а? Красота! А вид из окна? Нет, ты посмотри! Ну совершенно ведь сумасшедший вид, Машка! Елки, березки! Пишут, что белки и даже зайцы, Мусь! И ничего, что зима. Зимой еще красивее, правда? Зеленые

елки и белый снежок, да? И лыжи! Ты же любишь лыжи, да, Машка?

Она кивала головой, как китайский болванчик: да, красота. Да, зайцы и белки. Спасибо, что не слоны. Да, лыжи. Да, любила. И зиму всегда любила больше, чем лето. Да-да, да. Только отстаньте.

Из ванной услышала, как Митя с воодушевлением рассказывает теще о том, что все получилось.

- Она согласилась, Ирина Борисовна! Ну что, я молодец?

Маша, сплевывая зубную пасту, усмехнулась: ага, молодец! Митя любил, когда его хвалили. Но это не его заслуга, это ее решение. Не захотела бы - фиг бы уговорил. Она такая - никогда против воли. Маленькая, худенькая, бледненькая девочка с милым и детским кукольным личиком и огромными голубыми глазами. Девочка-подросток. А за этой мягкой, светлой личиной - кремень, алмаз. Непробиваемая скала. И все это знали. И на работе в том числе. Поэтому все так и вышло. Все, все. Главное - не вспоминать, опять затянет тоска. Такая тоска и обида - хоть в петлю. Скорее бы закончился этот бесконечный високосный февраль. Скорее бы весна.

Отъезд был назначен через два дня. Конечно, приехала мама - руководить сборами. Мите, при всей их взаимной любви, этого она ни за что не доверила бы.

Маша сидела на диване и вяло кивала. Мама доставала из шкафа вещи и смотрела на дочь: это? А это? А может быть, это?

Маша кивала и давила зевок. Мама пыталась скрыть раздражение - все-таки дочь не совсем здорова. Делаем скидку. Впрочем, а когда с ней, с ее милой Машей, было легко? Вот именно.

Наконец чемодан был собран, и Машу - слава богу - отпустили спать. Сквозь дрему Маша слышала шепот, доносящейся с кухни - понятно, опять секреты, опять дружба против нее. Ну и черт с вами. Завтра она тю-тю! Поминай как звали.

Утро было морозным, зябким и голубоватым – красиво. Иней укрыл и украсил черные голые ветки деревьев, как нарядил.

Прорвались по Кольцевой и, слава богу, встали на Ярославку. Замелькали коттеджные поселки, белые поля, темные перелески, и начались деревушки – низенькие, темно-серые, с покосившимися кривобокими домиками, из кривых и коротких печных труб которых вился слабый дымок, рассеивавшийся в атмосфере. Частоколы ветхого штакетника, скворечники и скамейки, маленькие домики сельпо, оббитые пластиком – для красоты. Леса становились все более густыми, а деревеньки – более жалкими, работающих печных труб все меньше. Российская глубинка, что вы хотите.

Маша уснула, а когда открыла глаза, увидела узкую дорогу вдоль сказочного Берендеева леса – высоченные, темные ели, густо присыпанные снегом, стояли плотной стеной вдоль дороги, петляющей и бесконечной. Воздух дрожал от мороза, малиновое солнце слегка прикрывала легкая синеватая дымка.

– Уже близко! – сказал муж, увидев, что она проснулась.

Через полчаса проехали привокзальную площадь и старое здание вокзала в К. – маленьком, уютном городке. По нечищеным тротуарам осторожно скользил местный народ, прикрывая варежками рты, из которых вылетал пар, в нахлобученных платках и шапках – мороз. Вскоре появилось и здание санатория – величественное, кирпичное, крепкое – на века.

– Строили для космонавтов в семидесятые, – объяснил Митя. – Средств, как понимаешь, не жалели – престиж! И внутри все по полной – бассейн, сауна, тренажеры и прочее. Ну и столовка, естественно! Хрусталь, белые скатерти, картины, скульптуры – с социалистическим щедрым размахом, у нас это любили.

– У нас и сейчас это любят, – равнодушно отозвалась Маша, – в смысле, размах. – И шумно зевнула. Хрусталь и размах ее не волновали. Ее волновало другое.

В огромном фойе с мраморными полами и действительно огромными хрустальными люстрами было неуютно и довольно прохладно – Маша, не терпящая холода в помещении, поежилась. Митя оформлял ее на полированной стойке и кокетничал с девушкой-регистратором. Маша снова зевнула и равнодушно отвела глаза – она не была ревнивой, да и знала: муж – балагур, но

все это наносное. Человеком он был преданным и верным, брак их был счастливым и крепким, друг другу они доверяли. А прочие сантименты и глупости были Маше чужды.

К тому же она устала и хотела спать. А еще – поскорее остаться одной. Поскорее!

На пафосном лифте с красным куском ковра на полу приехали на третий этаж – именно там и располагались люксы. Митя распахнул дверь и присвистнул. Оглянулся на Машу, торчавшую за его спиной, и, шутовски поклонившись, пропустил вперед.

Маша вошла, скинула угги и тут же увидела белые махровые тапочки – ага, все как надо, научились.

А вот номер ее рассмешил: он был огромным, размером со стандартную трехкомнатную квартиру – гостиная с полированной мебелью, бархатными диваном и креслами и хрустальной люстрой, с баром и торшером и, конечно, с красным ковром и малиновыми шелковыми гардинами – советский шик. Но паркетный пол давно рассохся и скрипел, форточка открывалась плохо, в большущей ванной наличествовало биде, из которого подтекала журчащая вода, и в раковине, узкой змейкой, назойливо вился старый, ржавый след. Вторая комната, спальня, была тоже из советского времени – полированные завитушки на спинках кровати, настольные лампы с бордовыми шелковыми кистями абажура и тумбочки со следами от горячих чашек.

– Блеск и нищета соцреализма, – пошутил слегка разочарованный и смущенный муж.

– Нормально, – отрезала Маша. – Ну что? Ты поехал?

Он покраснел и слегка нахмурился:

– А что, надоел? Уже прогоняешь?

– Да брось! Просто тебе еще долго ехать, – равнодушно отозвалась Маша.

Митя сдержал обиду и кивнул. Подошел к ней, крепко обнял и почувствовал, как напряглась и задеревенела ее узкая спина. Маша вздрогнула, когда он попробовал ее поцеловать в лоб – по-братски, по-дружески.

– Давай тут, не балуй! – Митя дурашливо погрозил пальцем.

Маша отстранилась от него и попробовала улыбнуться, но улыбка получилась кривой.

– Ладно, попробую! – отшутилась она. – Но ты же знаешь – могу и сорваться.

Митя облегченно рассмеялся – на минуту ему показалось, что вернулась прежняя, остроумная и веселая Маша, совершенно своя. Однако, поймав ее моментально потухший взгляд, он понял, что ошибается.

Несколько минут Митя неловко топтался в прихожей, и было видно, что уходить, а тем более уезжать так далеко от нее ему страшно не хочется. Но, будучи человеком тонким от природы, он понимал, что уединение ей нужно как воздух. В конце концов, за этим он и привез ее сюда – сам так решил. Он еще раз попытался обнять жену, но, увидев гримасу раздражения на ее лице, быстро вышел из номера.

Он долго сидел в машине, даже закурил, хотя бросил это занятие уже два года как, но для экстренных случаев все же возил в бардачке пачку «Винстона». Сейчас был именно экстренный случай.

Во рту стало горько, а на душе было горько давно. «А может, она меня разлюбила?» – подумал он, и тут же его словно ошпарило. Нет-нет! Этого не может быть! Его Машка, Маня, Маруся – больна. Есть заключение врачей. Ну, не больна – нездорова, так будет правильнее. Ведь говорили, что можно обойтись и без лекарств – его Маруся сильная. Очень сильная. По правде – сильнее его. Это он всегда понимал.

Он крикнул, выбросил окурок в окно и резко нажал на стартер. Надо спешить. Маша права – дорога долгая, длинная.

– Дорога длинная и ночка темная, – сказал он вслух и усмехнулся. Да все будет нормально – отступит Марусина хрень и... ух, они заживут! Еще как! Надо переждать, набраться терпения. И все будет как прежде. В конце концов, он так любит ее. Нет, они так любят друг друга.

Маша стояла у окна и смотрела на темную улицу. Во дворе возвышалась наряженная елка. Вдруг она вспыхнула, зарделась, засверкала десятками красных и золотистых лампочек. Чуть поодаль находилась гостевая стоянка, и Маша увидела, как Митина машина резко выехала с территории санатория.

Она вздохнула, задернула шторы и легла на застеленную кровать. Свернулась калачиком, поджав под себя длинные, стройные ноги. «Кузнечик! – называл ее Митя. – Ты мой кузнечик».

У нее и вправду была очень тонкая кость. «Аристократка! – смеялся Митя. – И кровь у тебя наверняка голубая». Это был намек на ее бледность. Действительно, она не знала, что такое румянец, при любом волнении бледнела как полотно, а не краснела.

Странно, но мама была как раз плотно сбитой, со смуглой кожей и вечным «персиком» на щеках. А уж когда волновалась, на ее лице вспыхивали малиновые пятна, которых она очень стыдилась. Маша совсем не была похожа на нее – ни в чем, совершенно! Мама была черноглазой – Маша голубоглазой. У мамы были нежные тонкие и светлые волосы, моментально кудрявившиеся от влажности, у Маши волосы темно-русые, жесткие, непослушные. Ей подходила только короткая мальчишеская стрижка. Мама была чуть курносой, а у Маши нос был тонкий, с еле заметной горбинкой. Они были совсем разные, мать и дочь. Но был же еще отец!

Свернувшись калачиком, Маша закрыла глаза и подумала: «Вот бы уснуть!» Теперь у нее была одна мечта – спать. Спать, спать, спать. Потому что во сне ничего не болит.

Она проспала ужин и, открыв глаза, поняла, что хочет есть. В рюкзаке, собранном мамой, обнаружила пачку вафель, пакетик кураги и плитку шоколада – любимые лакомства. Налила чаю и села в кресло у телевизора. Там

что-то орали, перебивая друг друга, и присутствующие были похожи на безумцев, вошедших в раж – ей-богу, шабаш.

Она поморщилась и быстро выключила. Господи, как мама может смотреть все это! Тоска и кошмар. Вытащив из чемодана книжку, Маша попробовала читать. Но читала рассеянно, невнимательно, то и дело возвращаясь к только что прочитанному абзацу, который снова забывала через несколько секунд. Она отбросила книжку, снова свернулась калачиком и зарылась лицом в подушку: «Господи, когда же отпустит? Ну пожалуйста, господи! Помоги! Я так устала...»

Она тихо скулила, подвывала, как больной щенок, и в который раз удивлялась, что не было слез. Совсем не было слез – глаза абсолютно сухие.

Вспомнила слова психологини: «Вы плачете? Нет, совсем? А плакать надо! Вот если заплачете, значит, дело пошло на поправку». Маша сморщила лицо, пытаясь выдавить хоть слезинку. Не получалось.

Она отоспалась ранним вечером, поэтому ночной сон к ней не шел, и это было самым мучительным, самым тяжелым – опять мысли, воспоминания. Боль и обида. Такая обида, что хоть рыдай. А вот слез по-прежнему не было. Она пыталась отогнать все это – то, что ее убивало, терзало, рвало на лоскуты, выворачивало наизнанку, вытряхивало из нее все то, что внутри. Ей казалось, что там, внутри, ничего нет – совсем ничего, одна пустота – ничего, кроме боли. Зато эта гадина заняла все пространство – места теперь было навалом. Ведь все остальное, из чего состояла Маша Мирошникова, исчезло по чьей-то злой воле.

Она в сотый, в тысячный раз перебирала в измученной голове и болящем сердце те самые события, которые с ней произошли. События... нет, не то слово. Не то. С ней произошла беда. Горе. Страшное горе. Трагедия – так будет правильнее. Всё, всё. Забыли. Приказывала же себе – больше не вспоминать.

Отца Маша почти не помнила – так, что-то расплывчатое, размазанное. Последняя встреча с ним была сто лет назад, когда Маше было лет шесть. Встреча была короткой – на детской площадке возле их с мамой дома. Стояла поздняя осень, и было ветрено, с раннего утра шел колкий и острый дождь. Мама держала ее за руку и смотрела на дорогу. Лицо ее было хмурым, недовольным, злым. Наконец Маша увидела, как к ним не спеша, вразвалочку,

идет высокий мужчина.

Мама недобро усмехнулась:

– Явился! Не прошло и часа.

Маша посмотрела на маму с тревогой, ничего не понимая, но ясно чувствуя, что что-то не так.

Мужчина подошел к ним, молча кивнул маме и присел на корточки.

– Ну что, малыш? – спросил он. – Как поживаешь?

Маша испуганно посмотрела на маму. Мама, поджав губы, хмыкнула и отвернулась.

Маша совсем растерялась. Мужчина был вполне симпатичным – голубоглазый, бледный, с подбородком, заросшим щетиной, которая, кстати, его совсем не портила. Он был без зонта и без кепки, капли дождя стекали по его лицу, и казалось, что он плачет.

Маша, сдержанная Маша, вдруг провела ладошкой по его щеке, смахнув капли. Провела и испугалась – что скажет мама? Но мама промолчала, только еще больше нахмурилась. А голубоглазый мужчина вздрогнул, часто заморгал и отвел глаза.

– Ну? – спросила мама. – И что будет дальше?

Мужчина пожал плечами:

– Ну можно в кино... Или... В парк.

Он был растерян – это было заметно.

– Еще чего! – вскинула подбородок мама. – В такую погоду? Да она заболит!

– А что ты предлагаешь?

– Я? – Мама рассмеялась незнакомым холодным и колким смехом. – Что я тебе предлагаю? Ну ты как всегда!

Они стояли напротив друг друга, и Маша почувствовала, что эти люди, мама и незнакомый дяденька, очень друг друга не любят. Как, например, она сама не любит воспитательницу Клару Васильевну, злую и громкую.

Наконец мама решительно сказала:

– Ладно, пойдем! Только ради нее! – Она кивнула на Машу и, не дожидаясь ответа незнакомца, схватила дочь за руку и потащила ее к подъезду.

Дома Маша быстро отогрелась, подержав озябшие и красные руки под струей горячей воды, и улизнула к себе в комнату – там ее ждала любимая кукла Матрена.

Спустя какое-то время она захотела есть и пошла на кухню, где сидели мама и тот самый мужчина. Перед ним стояла пустая чашка от кофе – Маша увидела на ней черный ободок.

Мама курила. Курила она редко, только в гостях или когда волновалась. А тут пепельница была полна окурков – маминых, с помадой на кончике фильтра, и других, без помады.

– А вот и Маша! – странным чужим голосом сказала мама.

Мужчина развернулся к ней и улыбнулся. И Маша снова подумала, что он очень красивый.

Мама была взбудораженной, нервной, как после педсовета. Мама ненавидела педсоветы, где всегда выступала – она преподавала немецкий и была завучем в школе. Или после скандала с бабушкой, что тоже случалось нередко. Мама и бабушка часто ругались. Мама кричала, что ее поздно воспитывать, а бабушка отвечала, что надеется на то, что еще не все потеряно.

- Что, Маруся, - спросила мама, - проголодалась?

Маша кивнула. Есть хотелось, но при незнакомце было как-то неловко. «Скорее бы он ушел, - подумала Маша, - что-то он задержался». Он как будто услышал - резко поднялся и пробормотал:

- Ну я пошел, Ира! Спасибо за кофе.

- Может, останешься пообедать? - усмехнулась мама. - Тарелки супа не жалко, налью.

- Нет, спасибо, я уж поеду. Нужно поторапливаться - вечером спектакль. «Утиная охота», Вампилов. В театре перекушу.

- А-а-а! - насмешливо протянула мама. - Ну, если спектакль! - И коротко, неприятно хохотнула: - Тогда вперед! Вампилову пламенный привет! - выкрикнула она в коридор, где незнакомец с усилием натягивал мокрые ботинки. - И кстати, где ты пе-ре-ку-сишь, - с издевкой передразнила она, - мне абсолютно неинтересно!

Он ничего не ответил и посмотрел на Машу:

- Ну, девочка, до свидания?

Последняя фраза была вопросительной, и растерянная Маша, ища поддержки, обернулась на маму. Та стояла, отвернувшись к окну, и снова курила.

Маша неуверенно кивнула.

Мужчина подошел к ней, внимательно оглядел с головы до ног.

- Будь здорова! - сказал он и неловко чмокнул ее в затылок.

Маша испугалась, дернулась и подскочила к маме. Та погладила ее по голове:

- Не бойся, Маруся. Все хорошо.

Но голос у мамы дрожал.

Мужчина тем временем открыл входную дверь и все никак не решался выйти.

– Ира!.. – хрипло начал он.

Но мама его перебила, словно хотела остановить:

– Иди уже, а? С меня, кажется, хватит!

Он быстро вышел.

Мама стояла столбом, как говорила вредная Клара Васильевна.

Маша потянула ее за рукав:

– Мам, а есть?

Мама вздрогнула, словно очнулась:

– Да-да, девочка! Сейчас, сейчас! Сейчас будем обедать. – Она засуетилась, принялась греметь кастрюльками, зажигать плиту и доставать тарелки и ложки.

Маша сидела на табуретке и болтала ногами. Дождь за окном усилился и барабанил отчаянно громко. Маша ела куриный суп и украдкой запивала компотом, что делать было категорически нельзя – страшный вред желудку.

Но сейчас мама молчала, она была как будто не здесь: крошила кусок хлеба, отодвигала свою тарелку, вскакивала, снова садилась, что-то уронила, обожглась о кастрюлю и в конце концов, плюхнувшись на стул, горько заплакала.

Испуганная Маша замерла с ложкой во рту, а потом заплакала.

– Мамочка, ты заболела? – кричала она, теребила маму за плечо, а та все плакала и хлюпала носом, вытирая его рукавом халата, что делать, естественно,

было тоже категорически запрещено, но Маша сделала вид, что не заметила.

День этот она запомнила навсегда, потому что мама, даже придя в себя, остаток дня была грустной и молчаливой. С Машей не разговаривала, сидела в кресле, не зажигая в комнате света, и смотрела перед собой.

Маша была напугана, но маму не теребила. Уже в шесть лет она была чувствительной, сообразительной и тактичной. А на следующий день по дороге в сад сказала маме:

- А ты его не пускай больше, этого дядьку!

Мама с удивлением посмотрела на нее:

- Какого - «этого»? А, вчерашнего! Он что, тебе так не понравился?

Маша промолчала - понимай как знаешь. Хотя по правде он ей понравился. И даже очень - красивый. Не понравилось ей, как вела себя мама.

А мама делано рассмеялась:

- Да ты не волнуйся, он и так больше к нам не придет, я в этом уверена.

Маша удивилась, но ничего не спросила. К тому же маме она доверяла - раз мама сказала, значит, так и будет.

Дядька с небритым подбородком и голубыми глазами больше и вправду не появлялся, а когда подросшая Маша поинтересовалась, где, собственно, ее папаша, мама ответила коротко:

- Был, да сплыл! Никчемный человек, не о ком говорить.

Машу этот ответ не удовлетворил, и она устроила маме настоящий допрос: кто, откуда, как зовут. Почему развелись? Почему он ни разу не приехал к ней, дочери? Кто он по профессии? Откуда родом? Где его родители, ее бабка и дед? Платил ли он алименты?

Маше было тогда одиннадцать, но она все понимала и почти все знала – по крайней мере, ей так казалось.

Отвечать маме не хотелось, и это было понятно. Но от Маши просто так не отделаться – это она тоже хорошо понимала. Дочка – упрямый осел! Уж если задумала что-то, только держись.

Мама рассказывала вяло, нехотя, коротко:

– Зовут Валентин, фамилия Мирошников. По образованию – актер театра. Учился в Ярославле, сам из Костромы. Познакомились на турбазе, там же, в Костроме. Начался роман. Я впервые влюбилась. Да как! – Мама надолго замолчала, а потом с глубоким вздохом продолжила: – С собой был хорош. Очень хорош. Но характер паршивый. Много из себя мнил, считал себя большим талантом, даже гением. Это его и погубило в дальнейшем. Был капризен страшно и при этом ленив. Но до поры, а точнее – до нашей скороспелой женитьбы я этого, конечно, не замечала, слишком была влюблена.

А был ли он влюблен? Не уверена. Он вообще любил только себя. Даже к родителям был равнодушен. Кстати, весь в своих родственников – ты им тоже была до фонаря! Та еще семейка, ты мне поверь! Друзей у него не было – он уверенно считал, что ему все завидуют. К тому же не прочь был выпить и в подпитии становился скандальным.

Маша хмыкнула – картинка была неприглядной, увы.

– Полгода мы ездили друг к другу – в основном, кстати, я, он не особо стремился, если по-честному, – продолжила мама. – Ну а потом я забеременела. Он страшно испугался, даже захныкал – что теперь и как? А как же его карьера? Это волновало его больше всего. Ну а потом сообразил – скоро диплом, распределение. А невеста – москвичка, да еще и с отдельной квартирой – вот свезло так свезло! А он, дурак, расстраивался. Поженились, и он переехал в Москву. Жили с моими родителями, и жили плохо. Твои бабушка и дед все тут же про него поняли и стали нашептывать мне. Я отбивалась, защищала его, но постепенно поняла, что родители правы. И все-таки оправдывала, потому что очень любила.

Потом ты родилась. К тебе он был абсолютно равнодушен. Хотя... – Мама задумалась. – Ты, Машка, его полная копия! Он худощавый, белолицый, русоволосый и синеглазый. Красавец.

Итак, папаша твой получил диплом и стал показываться в московские театры. Но его никуда не брали. Никуда! Наконец взяли в Пушкина. Театр-то был так себе, если честно. Взяли не сразу – мотался он к ним долго и, кажется, в конце концов просто их достал. Но ролей не давали, поняв его слабые способности – на роли героев он не тянул. Денег не хватало, бабушка и дед твои зятя не выносили, на меня злились. Требовали, чтобы мы съехали на съемную квартиру. Но денег не было. Какая там съемная квартира! Смешно. Зарплата в театре крошечная, семьдесят рублей. А отец твой любил приодеться – как же, для статуса!

Родители, конечно, нас кормили, но попрекали без конца, особенно Валентина. Некрасиво, конечно, но и их осуждать нельзя. Они же все видели. Я ругалась с ними, скандалила, снова пыталась его защитить. Но все было напрасным. Наконец я уговорила его сходить на «Мосфильм» – попытать счастья. Предлагали ему разную ерунду – съемки в массовке, даже не эпизод. Он отказывался, продолжая считать себя гением, театральным артистом.

Сама понимаешь, в итоге мы разошлись. Ничего не могло из этого получиться! Ничтожный он был человек, родители правы. А я дурой была. Любила. Долго страдала, искала его по Москве. Мне говорили, что он уехал куда-то далеко, черт-те куда. Кажется, на Дальний Восток. А потом мне сказали, что он живет с женщиной старше его лет на десять. Ну все понятно – пристроился. А может быть, все это было враньем. Кто его знает. Вот тогда я и поняла все окончательно – кто он и что.

– А фото? Фотографии есть? Хотя бы на него посмотреть?

– Нет, я все выкинула. Все до одной. Не хотела, чтобы что-то от него оставалось. Кроме тебя, конечно. – Мама улыбнулась. И тут ее осенило: – Мань, а ты же его видела, папашу своего! Помнишь, он приходил? Кажется, это было поздней осенью, шел страшный, непрерывный дождь, помнишь? Приходил, сидел тут, на кухне. Пил чай или кофе, не помню.

– Кофе, – твердо сказала Маша. – Не чай, а кофе.

Мама подняла на нее удивленные глаза:

– Да? А ты помнишь?

Маша кивнула.

Помолчали.

– А что было потом? – спросила Маша.

– А что потом? – удивилась мама. – Не было этого «потом»! Вообще не было! К тебе он больше не приходил, подарков не посылал. Денег – копейки! Смешно говорить – семь рублей, десять. Это твои алименты. От кого-то я слышала, что с карьерой по-прежнему не складывалось. С женщиной той он разошелся, пил, уехал из того города. А может, опять сплетни. Как он жил, где? А черт его знает! Мне, слава богу, это стало неинтересно. Но ни разу – ни разу! – я не слышала про такого артиста!

Да, кстати! Знаешь, какой он взял псевдоним? – Мама рассмеялась. – Золотогорский, каково? Нет, ну ты мне скажи! Может нормальный человек взять такой псевдоним? Ведь это обо всем говорит – о его амбициях, глупости, бахвальстве. Разве не так?

Маша кивнула.

Она не страдала от того, что у нее не было отца. Ни минуты не страдала – во-первых, в Машинном классе по пальцам можно было пересчитать ребят и девочек, которые росли в полных семьях. А во-вторых... Во-вторых, ей всегда было достаточно мамы. Ее прекрасной, умной, заботливой и веселой мамы.

Маша была совершенно уверена – детство у нее было счастливым. Мама никогда ничего не требовала и почти ничего не запрещала – растила сильную личность. Училась Маша хорошо, во дворе торчать не любила, непонятно кого в дом не таскала – закадычных подруг у нее не было, Маша была «вещь в себе». Им хватало друг друга: мама – лучшая подруга, товарищ, который посоветует самое правильное.

Жили они дружно, много путешествовали – на что хватало средств, разумеется. А хватало их, увы, на немногое. Путешествия их ограничивались маленькими среднерусскими городками, старинными усадьбами и, конечно, любимым Ленинградом. Туда они ездили каждый год, жили у дальней родни. Старенькая и одинокая тетя Люся была счастлива их приезду – милая старушка оживала и переставала хандрить. «Маша – ребенок тихий, послушный. А Ирочка, Машенькина мама, – вообще прелесть! Веселая, умненькая, всегда в настроении. И вот ведь – одна! Ну что за несправедливость», – сетовала старушка.

Жила она в центре, в старинной, полутемной коммуналке с классическим питерским двором-колодцем. Окна узкой и темной комнаты выходили во двор. Смотреть в окно было жутковато – каменная яма, а не двор. Достоевский.

А комнатка была уютной – потертые плюшевые гардины синего цвета, этажерки с остатками «прежней роскоши» – несколько калечных статуэток, серебряный кофейный сервиз, старинный, но все еще работающий будильник от Буре и фотографии. Фотографиями в рамках были уставлены все поверхности, включая широченный черный мраморный подоконник. Больше всего Маша любила рассматривать чужие фотографии. Она вглядывалась в незнакомые, строгие, прекрасные, одухотворенные лица и замирала.

Маша с мамой вставали рано и тихо-тихо, стараясь не разбудить старушку, одевались и выскальзывали за дверь.

Завтракали в кафе или в пышечной, и это было очень приятно – горячие пышки, пончики по-московски, посыпанные сахарной пудрой, Маша обожала.

Ну а потом бежали в музеи. Вечерами гуляли по улицам, а если везло, ухватывали билетик в театр, конечно, на галерку – на другое денег не было.

При всей экономии – обед в дешевой столовой или пирожки с молоком на скамейке – поездка вставала в копеечку. Но зато это было незабываемо: музеи, парки, Нева, неповторимая архитектура сдержанного, немного сурового города, отличающегося от вечно суетливой Москвы.

В их последний приезд совсем старенькая, постоянно болеющая тетя Люся подарила Маше браслетик. «Последнее ценное, что осталось», – грустно вздохнула она. Браслетик был червонного темного золота, плоский и узкий, на

девичью руку, украшенный темно-зелеными, тусклыми, удлинёнными изумрудами.

– Фаберже, – между делом сказала старушка.

Мама охнула и замахала руками:

– Люсенька, милая! Такое богатство! Нужно продать и ни в чем себе не отказывать! Зачем вам держать его?

Люся царственно покачала головой:

– Продать? Кому, Ирочка? Новым русским, как их теперь называют? Нет уж, увольте! Этот браслет наследный, еще от моих пра-пра! И носили его прекрасные дамы! И кстати, не продали, даже в самые жуткие дни! – гордо добавила она. – Браслет передавался только по женской линии – дочкам и внучкам. Никаким невесткам – ни-ни! Только родне по крови. Но ни дочки, ни внучки у меня нет. А вы какая-никакая, пусть дальняя, но родня. И к тому же – по женской линии. Все, разговоры закончены, и новая владелица – Маша, Мария Мирошникова!

Равнодушная к украшениям, Маша отдала подарок маме: «Носи или спрячь, решай сама». Носить мама не стала – куда, господи? В школу? Ну нет. Браслетик хранился в «сейфе» – так мама называла их схрон, когда-то обнаруженную дырку под подоконником.

Тетя Люся довольно скоро умерла, и Маша с мамой ездили ее хоронить.

В четырнадцать лет Маша поняла, что у мамы есть мужчина. Нет, она не приревновала ее – ума на это хватило, – но испугалась: а вдруг? Вдруг мама захочет замуж? Что тогда будет? Ах, как нарушится их прекрасная жизнь! Страшно представить. Но замуж мама не вышла. Просто иногда уходила – убегала на свидания, страшно смущаясь при этом.

Маша ни о чем не спрашивала. Но и мама ничего не рассказывала, что странно. Все-таки они были близки и откровенны друг с другом.

Маша выжидала. Но через полтора года мамины свидания закончились, и она пребывала в отвратительном настроении.

Маша не выдержала.

- Ну, - с усмешкой сказала она, - и где наш кавалер?

Мама покраснела:

- Уехал. И скорее всего, не вернется.

Маша строго вскинула брови:

- А поподробнее?

Подробности оказались таковы: кавалеру предложили работу - читать лекции в университете в Санта-Барбаре. Он лингвист.

- А тебя с собой не звал? - ревниво ухмыльнулась Маша.

- Как же, звал, - вздохнула мама. - И даже очень настойчиво звал. Но...

- Ты отказалась? - вырвалось у Маши.

Теперь усмехнулась мама:

- А ты предполагала другой вариант? Что я уеду и оставлю тебя?

Маша смущенно выдавила:

- Ну... Я не знаю.

- Какие здесь могут быть «ну»? - отрезала мама.

Спустя какое-то время она рассказала: мужчина этот был милым и вполне достойным – ровесник, разведен, успешен в карьере. Любви не было, но была симпатия, точно была. Да, увлеклась. Но уехать? Нет, это невозможно – пожилые родители и дочь-подросток. О чем тут говорить?

– Мне есть для кого жить, – поджав губы, закончила мама.

Но Маша видела – переживает. Может, этот лингвист и был ее судьба? Или просто с ним она могла бы устроить жизнь – а что тут плохого?

Маша знала, что они переписываются. А потом переписка заглохла – наверняка лингвист завел семью и маму забыл.

После школы Маша легко поступила в университет на журфак. Это была ее давняя мечта – быть журналистом. Училась легко и с удовольствием, чувствуя, что журналистика – ее призвание.

А на четвертом курсе встретила Митю. Митя уже окончил биофак, специализировался на биоинженерии и биоинформатике и трудился в солидной английской фирме. Был он хорош собой, прекрасно образован и отлично воспитан. К Мите прилагалась замечательная семья – мама Майя Николаевна и папа Григорий Ильич. Машу замечательно встретили, тут же приняли и полюбили – такая девочка, как же нам повезло!

Сыграли скромную свадьбу, без помпезной и ненужной роскоши, в хорошем ресторане, с небольшой компанией родни и знакомых. После свадьбы молодые улетели на Мальорку, а по приезде родители мужа вручили им ключи от новой квартиры.

Машина жизнь складывалась прекрасно – мужа она любила, а он, будучи по натуре человеком пылким и страстным во всем, просто ее обожал. Денег им вполне хватало – Митя хорошо зарабатывал. Жили они в своей квартире, в родном городе. Маша окончила университет и стала искать работу. И здесь повезло – правда, помог замечательный свекор: Маша устроилась в хороший журнал, совсем негламурный и очень популярный, который читали интеллигентные люди. С коллективом тоже сложилось, и начальство не давило, как это часто бывает. В общем, жаловаться было не на что. Жизнь открывала

новые возможности и перспективы.

Маша была бодра как никогда. Бодра, довольна и счастлива. И с радостью и упорством взялась за работу.

Но даже в раю бывают дождливые дни. Машины удача и везение, увы, дали сбой.

Началось все со статьи, с репортажа. Маша относилась ко всему с повышенной ответственностью, писала вдумчиво и долго. Работа была кропотливой – собрать сведения, перепроверить их, найти людей, знавших героя. Сопоставить и только тогда начать писать, толково, внятно, честно, а главное – интересно.

Главный вообще обожал бомонд в любом виде – скорее всего, сказывалось провинциальное прошлое и его странный, почти невозможный столичный взлет – нищий мальчик из глухого уральского села и такая карьера! Это была та самая история, когда действительно человек сделал себя сам. Именно он и придумал новую серию репортажей. Тема звучала так: «Две звезды. Всю жизнь вместе» – о том, как сосуществуют в одной семье два состоявшихся человека. Можно ли построить счастливую семейную жизнь, будучи страстно увлеченным своей профессией и по-настоящему успешным человеком.

Решили начать с уходящего поколения, а уж потом взяться за более молодых. Короче говоря, назревал долгий, интереснейший проект, который поручили Маше Мирошниковой. И она была счастлива.

Героиней первой истории стала престарелая балерина, в прошлом звезда Большого, кумир поколений. А муж балерины – знаменитый кардиохирург, известный не только на родине, но и далеко за ее пределами. Существовала даже школа, названная его именем. А уж ее успех был поистине грандиозен. Но звезда не только сияла на творческом небосклоне – ничто человеческое было ей не чуждо: и замуж успешно вышла, и сына родила. И карьере это не помешало – после родов, спустя всего полгода, уже всю танцевала, как всегда, сольские партии.

Дама не сразу согласилась на интервью – мурыжила Машу месяца три. Кокетничала: «Ах, кому это надо! Я осколок прошлой жизни, кто про меня помнит!» Ну и так далее. Наконец согласилась. Маша страшно волновалась

перед первым визитом – как сложится, найдут ли они общий язык? С пожилыми людьми вообще сложно, а уж с этой дамой... Слухи про нее ходили разные и довольно противоречивые. Многие вообще отказались о ней говорить – например, ученик ее гениального мужа, ныне и сам светило и бог кардиологии.

– Нонна Васильевна? – переспросил он. – Нет уж, увольте! Ничего говорить о ней не стану. Причины? – Он даже повысил голос. – А вам нужны причины? Так придумайте сами, милая девушка! А что вы там сочините – мне все равно.

Еще была весьма пожилая дама, отказавшаяся говорить про Нонну Васильевну:

– Оставьте! И тему эту оставьте, и старуху эту чудовищную! – И бросила трубку.

В Сети информации было немного – красавица Нонна Вошак, приехавшая из провинции покорять столицу, быстро сделала карьеру, потом вышла замуж за успешного врача, родила сына, и карьера ее еще стремительнее пошла вверх.

Нонна Вошак танцевала лучшие партии, восхищала поклонников. Словом, статьи были все как одна только хвалебные. Имела Нонна Вошак и всевозможные правительственные награды и даже была депутатом Моссовета.

Потом была травма спины, очень серьезная, после которой, как предрекали, не было никакой возможности снова выйти на сцену. Но Нонна Вошак на сцену вышла. Да как! И снова стала звездой, исполнительницей главных партий, очень тем самым огорчив своих коллег и злопыхателей.

Да, и еще – ее знаменитый муж до нее был женат на своей коллеге, враче. Но, встретив Нонну, ушел почти сразу.

Маша разглядывала фотографии молодой Нонны Вошак – хороша, без спору, хороша. Эдакая бестия с огнем в глазах. Записей балетов тех лет почти не сохранилось – так, жалкие отрывки. Маша по сто раз пересматривала их, но ничего не понимала – в балете она была полным профаном. Однако рецензии на спектакли подняла, а как же. Были они, надо заметить, скучными и довольно однообразными: Вошак – прима, и все тут. Гениально исполненные партии Офелии, Феи Драже, Джульетты, Фригии. «Искусство великолепной Вошак выше всяких похвал», «Нонна Вошак в который раз подтвердила звание примы». И так далее.

Случайно попалась и статья более поздняя, написанная уже в перестройку, где говорилось, что Нонна Вошак была любовницей одного из членов политбюро. Правда, здесь слухи не совпадали – наряду с Вошак упоминались другие дамы.

Это потом, спустя много лет, когда Нонна Вошак не танцевала, ее стали безбожно критиковать – бездарь, косолапая и короткорукая, музыку не слышала. Радостно хихикали, припоминая ее покровителей: дескать, когда умер последний из них, звезда Вошак закатилась.

Нашлись и те, кто с радостью был готов облить Нонну Васильевну помоями, и те, кто искренне восторгался ею.

Нонна Вошак на публике почти не появлялась. Последние ее фотографии были датированы началом двухтысячных. На них Нонна Васильевна была еще очень даже вполне – конечно же, стройная, с прямой спиной, как и положено балерине, с гордо откинутой головой, с внимательным, оценивающим взглядом умных и пронзительных глаз. Укладка – волосок к волоску, в ушах и на пальцах, как говорила Машина коллега Натуля, – по коттеджу.

И вот настал день икс. Маша купила букет белых роз – любимые цветы Нонны Васильевны – и прихватила коробку пирожных. Жила бывшая примадонна, как ни странно, в ничем не примечательном спальном районе в обычном девятиэтажном доме с вонючим подъездом. А как же ее роскошная квартира на Кутузовском, в знаменитом доме, где проживал когда-то генсек?

Дверь открыла домработница или, может, приживалка – было видно, что из простых, из прислуги.

В узенькой, метр на метр, прихожей, Маша разделась – повесила куртку и сняла сапоги. Домработница пристально, недобрый взглядом отслеживала ее действия.

Наконец ее пригласили пройти.

В небольшой комнате с низким потолком, в старом потертом велюровом кресле сидела старушка. Обыкновенная тщедушная старушка с седенькими жидкими волосиками, сморщенным личиком и затянутыми старческой пленкой глазами.

Эта старушка совсем не была похожа на ту пожилую даму на последних фотографиях, которые Маша сто раз разглядывала и изучала.

Старушка с удивлением оглядела букет, царственно кивнула и даже улыбнулась:

– Садитесь, деточка! Очень вам рада!

Маша выдохнула, присела на стул и тут же достала диктофон.

– Ах, подождите! – жеманно вздохнула хозяйка. – Нам надо же слегка привыкнуть друг к другу!

Это было абсолютно правильно: живое знакомство, личный контакт перед интервью – журналистское правило, о котором неопытная Маша позабыла. Именно от первого знакомства зависит многое, если не все – насколько раскроется человек, насколько будет открыт и откровенен.

Домработница Нюра – ох, как традиционно, как в старом кино, – внесла поднос с чаем. Маша отметила, что пирожные из французской кондитерской, принесенные ею, Нюра заныкала – наверняка старушки не избалованы подобным и съедят их без нее. Что ж, грустно, но объяснимо.

Нонна Васильевна была мила, тихо смеялась, шутила, кстати, весьма остроумно, и вообще была вполне расположена к Маше.

Начали издалека – детство, юность, молодость. Приезд из далекой Караганды, начало карьеры, встреча с будущим мужем.

Увидев, что старушка устала, Маша закончила интервью и договорилась о следующей встрече через два дня.

Дома снова копалась в Сети – о сыне Воцак и гениального хирурга говорилось мало, какая-то это была мутная история. Он пошел по стопам отца, но гениальным не стал, карьеры его не повторил. Работал в Склифосовского, оперировал. Но потом уволился, кажется, не дождавшись пенсионного возраста. И все, больше никаких сведений. Ни одной строчки.

Маша копала дальше. И накопала – была история у этого сына: нелепая смерть пациента по его же вине. Дело замяли, но именно тогда он и уволился и с делом врачебным покончил. Жил в Кратове, на даче, построенной гениальным отцом. Всё. Про внука тоже почти ничего – кажется, обалдуй, ничего из него не получилось.

Муж Нонны умер в начале восьмидесятых, совсем нестарым, в пятьдесят четыре года – сгорел на работе, инфаркт.

Она тогда уже не танцевала, но выходила на сцену в образе королевы.

Через два дня Маша снова стояла перед дверью балерины и в руке так же держала коробку – на сей раз с большим тортом. Пусть старушки полакомятся.

И снова суровая Нюра, и Нонна Васильевна в кресле, и слабый, плохо заваренный чай из липковатых чашек. И три часа беседы – больше Нонна Васильевна не выдерживала. Она все так же была сдержанна, обдумывала каждое слово, и это было очень заметно, просто бросалось в глаза.

Таких встреч было четыре. Маша слушала записи и понимала – так себе, ни о чем. Да, трудное детство – а у кого в те времена оно было легким? Да, кошмарный мир театра, зависть и пакости – куда же без них. Сплетни и конкуренция – обязательно. Но это все давно известно, написано об этом сто или тысячу раз, никого это не взбудоражит и не зацепит – секретов тут нет. Информацию о личной жизни и семье Нонна Васильевна тоже выдавала строго порционно и скупно – брак был счастливым, потому что у каждого было свое дело. Вы спрашиваете, в чем секрет успешного брака? Вот именно в успешности супругов! И Маша вполне была с этим согласна. И даже провела параллель с собственной жизнью – и у нее, и у Митьки есть дело. Значит, все у них сложится.

Вощак продолжала рассказывать:

– Мой муж был прекрасным человеком, бесспорно! А каким он был специалистом! Знаете, кого он оперировал?

Маша робко пожала плечом – нет, она, конечно, знала кого, но умышленно сделала вид – а вдруг что-то еще? Какая-нибудь новая инфа?

– Виделись мы, – Нонна вздохнула, – нечасто. – На глазах выступила скупая слеза. – Да, нечасто. У него – кафедра, студенты, отделение. Ну и у меня, как вы понимаете, гастролы, репетиции, премьеры. Мы тосковали друг по другу, но! – Слегка корявый указательный палец взлетел кверху, и хитро прищурились глаза. – Но это наш брак и спасало! Ах, – взгляд старушки затуманился, – какие у нас были встречи! Как первые свидания, ей-богу! – И снова скупая слеза.

«Неискренняя она, – подумала Маша. – Фальшивая. А может, просто очень старая, в этом все дело? Ну хочет бабушка сохранить созданный образ – зачем ей порочить себя откровениями?»

Маша пыталась вытащить хоть какие-то подробности про мужа, но при любом наводящем вопросе подбородок мадам каменел и брови недовольно взлетали:

– Кажется, я вам все рассказала!

И Маше приходилось кивать и соглашаться. Но вечерами, проматывая разговор, она чувствовала, что что-то не так. Мутновата в реке водица. И еще очень чувствовалось, что жизнь мужа была Нонне Васильевне не очень известна и, скорее всего, мало интересна. Хотя, рассуждала Маша, это, наверное, нормально для много и успешно работающей женщины.

Когда Нонна рассказывала о сыне, снова лился сплошной елей: рос хорошим и скромным мальчиком. Пошел по стопам отца.

Гением не был, увы, но прекрасным хирургом – конечно!

– Личная жизнь сына? А я в нее никогда не вмешивалась! – гордо, с достоинством произнесла бывшая прима. – К чему? Часто ли вижусь с сыном? А вы? – Недобрый прищур. – Вы часто видите со своими родителями?

Ответить Маша не успела, старуха опять начала говорить:

– У сына давно своя жизнь. Человек он крайне занятой, у него отделение – какие частые встречи, о чем вы? Нет, разумеется, он меня навещает, привозит продукты, лекарства. Все как у всех.

И снова Маша видела, что балерина врет. Кстати, ни одной фотографии, ни мужа, ни сына, она в квартире не заметила. Ничего себе, а? На всех стенах, на выцветших и убогих обоях, одна Нонна Васильевна Воцак, прима и звезда. Всё.

Маша решилась спросить, почему Нонна Васильевна уехала из престижной квартиры на Кутузовском. Та нахмурилась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/visokosnyy-fevral>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)